

Человек за бордом

колесо обозрения

с1

— Может, трасса помогла? Вы же, наверное, ее раньше других смогли освоить? — пытался помочь я ему.

— Я на эту трассу встал, как и все остальные,— сказал он.— У всех тут есть две официальные тренировки, а потом был день финала.

— Таким образом, для российских сноубордистов не было в Сочи никаких преференций в этом смысле?

Для других спортсменов-то все-таки были. Саночники, бобслеисты свою трассу с закрытыми, в буквальном смысле слова, глазами могли пройти.

— Да мы в России вообще не тренируемся,— рассказал Олюнин, по-прежнему увлеченно крутя ручки настольного хоккея. Тут он, в отличие от трассы, соревновался сам с собой.

— Почему?

— Дорого очень получается. Нам объясняют, что такую трассу, как наша, сделать тяжело. Можно, конечно, но только будет дорого стоить, потому что тяжело. Поэтому мы тренируемся в Австрии и в Швейцарии.

— Сноуборд все-таки очень модный вид спорта,— попробовал я другую тему.— У вас теперь не будет проблем в личной жизни никаких и никогда, если вдруг, конечно, были… То есть сможете выбирать… в этом смысле. А так-то, конечно, будут.

— Есть такой момент,— засмеялся он.— С «Первого канала» девушка только что позвонила, сказала, что одна моя поклонница мечтает со мной увидеться и что вышла на них, потому что не знает, на кого еще выйти. И не против ли я. Я не против. Все так сразу хотят познакомиться!

Я не стал говорить ему, что редакторы «Первого канала» придумали хороший сюжет с Николаем Олюниным, конечно.

В конце концов, действительно — первый день славы.

— Дома меня вообще, наверное, съедят! — добавил он.— Я, наверное, телефон выключу. Вчерашний день в этом плане ужасный был… И сегодня постоянно из душа выбегал, потому что звонки и звонки…

— Но ведь это часть того, к чему вы столько лет шли,— говорю я.

— Согласен. Но поднадоело! — смеется Олюнин, и я вижу, что действительно поднадоело, а не то чтобы кокетничает.— Это потом все-таки утихнет, наверное. Хочется уединиться.

— С кем-то?

Он думает.

— Или просто уединиться?

— Да просто побыть одному,— с облегчением соглашается он.— По магазинам погулять…

— Сильно переживаете, что золото не взяли?

— Сегодня начал переживать,— признается он.— Я же три заезда вчера лидировал. Смотрел назад: где же вы, соперники? Ехал один, и все. Никого не толкнул, не задел.

— Тогда что?

— В финале француз очень сильный оказался. Я не посчитал нужным мешать ему выигрывать золото, потому что…

— Решили выиграть серебро? — перебил я его.

— Нет! Потому что не хотел мешать и себе выиграть золото. У меня были два момента, когда можно было поехать по нижнему радиусу контруклона. Но я не стал.

— Как это не стал?

— Не стал,— повторил Олюнин.

В Доме настоящего болельщика Николаю Олюнину вручили сертификат настоящего спортсмена
ФОТО РИА НОВОСТИ

— Вы что, решили француза победить?

— На трассе друзей нет. Я боялся слететь. И не стал рисковать.

— А вы с этим французом не разговаривали потом?

— Нет,— говорит Олюнин, переставший играть сам с собой в настольный хоккей и отчаянно вглядывающийся в часы на мобильном телефоне.— Но мне сказали, он в интервью заявил, что так хорошо, что я с этим русским парнем раньше финала не встретился, а то и сам туда не попал бы. Мне приятно, конечно, что он так думает. Этому французу проиграть не так обидно.

Но все-таки, зафиксируем, обидно.

— За тем, что вы делаете на соревнованиях, страшно смотреть,— сказал я.— По-моему, вы бешено рискуете. У вас ведь травмоопасный вид спорта?

— Травмоопасный,— согласился он.— Только в прошлом году — четыре операции. В кисть вставили штырь, потом вытащили — это уже две операции… две грыжи паховых. Плечо сломал… сплетение лопатки и ключицы… кость торчала.

— Но это не открытый перелом? — переспросил я.

— Нет, это закрытый перелом,— кивнул он.— Там сейчас пластина металлическая стоит.

— Вы точно знаете, что этим нужно заниматься? — задал я наконец более или менее философский вопрос.

Мне показалось, что он готов к этому.

— Нужно,— не раздумывая ответил Олюнин.— Только надо очень хорошо разминаться. Тогда вероятность травмы снижается. Ну, это общеизвестно.

То есть я думал, что размял его перед этим вопросом. Но, может быть, ошибся.

— У меня нет выбора, если вы об этом,— продолжил он.— Это же не балет. Серьезные пацаны. Безбашенные. Но все пока закончилось. Сейчас два этапа Кубка мира впереди, но я, наверное, не поеду… Хочу личной жизни. Так я вам и сказал: хочу уединиться. Могу на Бали уехать.

— Хочется лета, да?

— Да! — оживился он.— Очень. Последние семь лет в зиме живу. Все мы катаемся в зиме, к Олимпиаде готовимся. За год дома максимум три месяца бывал. Год назад чуть-чуть загорал в Таиланде, с чехлами туда поехал — и на сборы, домой даже не заехал.

Я заметил, что он уже даже не очень спешит. Ему хотелось еще что-то сказать. И он сказал: про своих друзей из Красноярска — про Сэма Гершмана, медика; про Вадика Шабанова, в МГУ учится; про Марика Спиридонова, на юриста; про Сашу Кушнеренко, менеджером в «Чистых лугах» (колбаса, молоко) работает.

— Это лучшие друзья,— сказал Николай Олюнин.— С ними ничего не боюсь!

— Ничего? — переспросил я.— А что, вообще нет страха? Когда на старт выходите, он есть?

— Нет. Это что значит: что я выхожу и боюсь прыгнуть?! Что за дела? Нет страха.

— Но хоть чувство опасности есть?

— Ничего нет,— покачал он головой,— ничего не боюсь. Я на сноуборде лучше себя чувствую, чем на ногах. И не думаю, что могу приземлиться и что-то сломать.

— А чего боитесь? Хоть чего-то? Нельзя ничего не бояться. Это страшно — ничего не бояться.

— Боюсь, что результат плохой будет,— сказал Николай Олюнин.

— Правда? Я, конечно, верю. Но что, это все?

— Правда. Я, наверное, молодой еще, да? Пойму, наверное, потом, да?

Ни за что не поймет.

Андрей Колесников

Обязательные танцы

Олимпийское движение в программе сочинских ночных клубов

вне игры

АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ

Наш специальный резидент в Сочи АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ побывал в «Лондоне», поднялся до «Облаков» и завершил поход в «Лентяе». Из увиденного там он вынес твердое убеждение в том, что Сочи даже еще более готов к Олимпиаде, чем .ему думалось до сих пор. И если кто-то это пытается отрицать, то это лишь говорит о том, что он сам не готов к Сочи.

Если в самый ночной час пик вы собираетесь проникнуть в клуб «Лондон», что напротив Морвокзала, то лучше сделать это в компании знаменитого футбольного менеджера Юрия Белоуса. Он столько в свое время сделок по купле-продаже футболистов заключил, что даже переговоры с охраной клуба «Лондон» для него семечки. А ведь тут один неловкий финт, одно необдуманное слово — и будешь смотреть на «Лондон» с улицы Несебрской, а на тебя с клубных дверей будут с сожалением поглядывать Пол Маккартни и Мик Джаггер.

А потому что нет мест. Но для Юрия Викторовича нашлись, он уважаемый человек! Даже куртку отстоял. Модную такую, которую почему-то непременно надо было оставить в гардеробе.

И места действительно заняты — иностранцами и нашими вперемешку. И за столиками, и у барной стойки, и даже на танцполе, где главенствуют хаос и хаус. В общем, никакого уважения к Сергею Рахманинову, останавливавшемуся в свое время в расположенной на этом же месте одноименной гостинице. Он, бедняга, уж точно перевернулся бы в гробу, если б услышал, что, а главное — как поют караоке в соседнем зале под названием «Пиккадилли». И все равно «Пиккадилли» — это спасение, если ты все-таки хочешь пригубить в баре самую большую в Сочи коллекцию виски и винтажных сигар или даже порадовать себя местной европейско-азиатской кухней за столиком. Надо, правда, быть готовым, что за столик попросят 25 тысяч рублей.

С виски тут все в полном порядке, и бармены даже не пытаются со знанием дела выдать Jack Daniels за бурбон, как в каком-нибудь московском баре. Более того, в награду за подробный рассказ о вкусе так и не дошедшего до «Лондона» Jim Beam Honey тебе наливают бесплатный шот. И это как-то даже примиряет тебя с постоянными припевами «Ой мама-джан…», направляемыми в микрофон одним из центровых столиков. Тем более что рядом трогательно танцуют медленный танец пятикратная олимпийская чемпионка по синхронному плаванию Анастасия Давыдова и Дмитрий Носов, бронзовый призер Афин-2004 по дзюдо, депутат Госдумы.

Тут, кстати, прошел слушок, что депутаты (не будем говорить, каких фракций, и не будем говорить, каких законодательных органов) уже сходились в партере на другой крутой олимпийской дискотеке — в «Облаках». Вообще когда знающих местных людей просишь составить топ-5 сочинских танцплощадок, они дружно называют только топ-2,5. Это в обязательном порядке «Лондон», «Облака» и «Лентяй», про который говорят: «Ну это так, когда два других клуба либо совсем надоели, либо денег нет».

Чтобы объяснить про «Облака», можно сказать, что их запустили те же люди, что и столичные «Облака» на Кутузовском. А можно сказать, что все ресепшены прибрежных гостиниц направляют своих постояльцев именно туда. А можно просто сказать, что это бывшая «Платформа» — лучшее диско города на протяжении многих последних лет. В общем, находится оно непосредственно в Черном море, и «танцы на воде, е-е-е…» — это именно про это место.

— К Олимпиаде мы готовились тщательно,— рассказывает управляющий «Облаками» Сергей Кузьмин.— Старательно утепляли клуб, возвели стены, которых раньше не было. Хотели провести мощную рекламную кампанию, но не получилось. Баннеры по городу вешать запретили, за любые деньги. Одели мы тогда своих ребят в фирменные балахоны с надписью «Облака» и отправили их гулять в Красную Поляну. Так всех 30 человек и замели под белы руки. В таких обстоятельствах приходится на полную задействовать и интернет, и сарафанное радио: плотно поработали со всеми вменяемыми отелями, разложили флайеры. Никаких специальных программ мы не готовили — были уверены, что народ к нам и так потянется. Конечно, по выходным к нам приезжают маститые краснодарские диджеи, но их имена вам ни о чем не скажут. В отличие от имен тех, для кого они играют. Но их имена я вам уже называть не в праве.

— А музыкальную программу как-то под Игры адаптировали? «Трус не играет в хоккей» там...

— Нет. Хотя иногда приходится импровизировать на ходу. Вот пришли вчера 150 французов. А у нас основное направление — отечественные хиты. Ну ясно же, что француз не врубится, пришлось для гостей на иностранную волну настраиваться...

Иностранцев здесь на самом деле каждый вечер процентов под 90. Информация об атмосфере места передается из уст в уста: тут можно и даже нужно танцевать на столах, разрешается кидаться друг в друга разбросанными по всем диванчикам подушками и тут самые красивые девушки. Причем все, как говорится, по любви, ибо те, которые не по любви, сюда если и залетают, то в абсолютно нерабочем состоянии. В очередной раз наши источники подтвердили информацию о том, что их еще в январе строго предупредили по «профсоюзной» линии: на время Олимпиады следует взять отпуск. И они взяли. Потому что работать все равно не дали бы.

Охрана клуба усилена в два раза и проинструктирована: «С нашими построже, с не нашими помягче». В некоторых вещах «помягче» распространяется на всех: так, в «Облака» сейчас разрешили вход даже в спортивной одежде и обуви. Иногда наши и не наши объединяются, и тогда «помягче» тоже распространяется на всех. Я сам был свидетелем, как двое наших несли одного не нашего в форме канадской сборной.

— Подустал ваш канадец, не надо бы ему сюда,— вежливо порекомендовала охрана. Но первое же недовольное слово, произнесенное канадцем по-английски, открыло двери в клуб всей троице.

В самом клубе тоже зорких глаз хватает.

— Уголовный розыск, прокуратура, спецслужбы в нашем заведении дежурят регулярно,— замечает господин Кузьмин.— Разумеется, неявно, под прикрытием бутафорских кальянов и полупустых бутылок. Но зато мы спокойны за безопасность.

Между прочим была большая дискуссия — наливать «сотрудникам» за счет заведения или нет. В результате, говорят, генералитет сделал сложный выбор: попросил сделать только скидку. В целях, так сказать, повышения трудовой дисциплины. При этом трудовая дисциплина в коллективах самих заведений держится порой из последних сил. Из-за все тех же спецслужб в некоторых местах персонал сократился чуть ли не на треть: остались работать только те товарищи, чье нахождение на территории РФ абсолютно легитимно. В итоге оставшиеся люди работают почти без выходных и, естественно, ропщут. В то же время на прибыль никто из владельцев заведений не ропщет. Сметается все.

Уже в «Лентяе» я разговорился с барменом. Разговор не задался. На вопросы про бурбон, Glenmorangie, грейпфрутовый и даже апельсиновый сок он дал однозначно отрицательные ответы. Такое впечатление, что я перенесся во времена, когда это заведение именовалось кафе «Курортное» и прославилось ролью ресторана «Плакучая ива» в легендарной «Бриллиантовой руке». Ну а еще тем, что когда-то в здешнем фонтане (на его месте сейчас как раз барная стойка) купался местный авторитетный гражданин Крест. В итоге мы сошлись на трехлетнем Havana Club, а парень с некоторой обидой заметил:

— У нас хоть что-то есть, а в Красной Поляне за прошлый уикенд выпили все подчистую, кроме водки. Управляющие срочно заказали в горы добавки, но у нас туда поставки только в течение двух суток бывают. Представляете, как ребята страдают?

Я не понял точно, каких ребят имел в виду бармен: своих горных коллег или их посетителей? Ясно было лишь, что здешний контингент от отсутствия изысканных напитков явно не страдает. Да и танцы тут в ежедневном ритме проводить «лениво» — только в уикенд здесь по-настоящему жарко. И тогда разгоряченные гости — Креста на них нет — выбегают освежиться в шестиградусном море, торжественно бросая трусы в воду.

Сам видел, клянусь бурбоном.